

18+

Ольга Верещагина

Ты только живи

рассказы

Ольга Верещагина

Ты только живи. Рассказы

«Издательские решения»

Верещагина О.

Ты только живи. Рассказы / О. Верещагина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983526-0

Почему-то это сейчас Ирине вспомнилось. Хотя потом было много всего. Как Виктор её отвез к своим родителям и они всю жизнь, пока не ушли в мир иной, любили её за её спокойный нрав и называли доченькой. Они не давали ей ничего делать по дому и помогали во всем. И что бы то ни было, Виктор всегда был рядом. А сейчас настал её черед быть рядом с ним, и она будет. Она будет бороться до победы, ведь Виктор — значит — Победитель.

ISBN 978-5-44-983526-0

© Верещагина О.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	7
Часть 2	9
Часть 3	12
Часть 4	15
Часть 5	18
Глава 6	23
Глава 7	25
Один час на любовь	27
Часть 1	28
Часть 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ты только живи

Рассказы

Ольга Верещагина

© Ольга Верещагина, 2020

ISBN 978-5-4498-3526-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ты только живи

Когда я написала и опубликовала свой рассказ «Одинокая ветка сирени» на литературном сайте ПРОЗА.РУ и показала его в творческих группах, мне по скайпу позвонила взволнованная женщина и рассказала свою историю. Меня эта история взволновала до глубины души, и я решила написать этот рассказ. Имена и место, где это случилось, я изменила, но суть осталась. Я очень благодарна Ирине, так я назвала свою героиню, за откровенность и доверие. <http://www.proza.ru/2017/01/05/427>

«Жизнь нам дается один раз и прожить её нужно...» – думаю, мы все помним все слова Павки Корчагина из романа Н.А.Островского «Как закалялась сталь», но в жизни всегда есть место если не подвигу, то самоотверженности и жертвенности, а еще поступку во имя любви.

Вы подумаете, что – ну, и загнула, ишь чего вспомнила... Да, наверное, но я хочу написать об этом, а вернее о том, как можно просто подарить жизнь человеку и надежду на будущее. В одном маленьком рассказе эту историю не написать, но я попробую...

Ирину, ночью разбудила какая – то неосознанная тревога. Ей показалось, что в её большой квартире было что – то не так. Тревога забралась под одеяло, обдала жаром и вызвала жажду, сдавила сердце. Ирина немного полежала и решила встать. Пойти выпить таблетку и стакан воды.

Стояла тревожная осенняя ночь. В ноябре ночи беспросветные, тревожные и тёмные. Ирина шла на ощупь, не включая свет, чтобы не будить мужа. После её операции на сердце, муж и так часто просыпался, проверяя всё ли с ней в порядке. Ирина с Виктором прожили долгую счастливую и очень непростую жизнь и понимали друг друга с полуслова.

Ирина шла потихоньку. Ей не нужно было включать свет, она и так хорошо знала, что и где стоит. Но, в этот раз что-то было не так. Дверь в кухню была приоткрыта, чего раньше не было. Она попробовала её открыть, но дверь не поддавалась. Она заглянула в кухню и увидела что-то лежащее за дверью. Она быстро включила свет и увидела мужа.

Виктор лежал в неестественной позе, за дверью. Видимо хотел её открыть и не успел.

Ирина быстро присела рядом. Пощупала пульс, а пульса не было. Она, закричала, страшно закричала. Что она кричала, она не помнила. Только повторяла слова:

– Милый, слышишь, я сейчас, я сейчас... Я смогу... Ты только живи... Слышишь, живи, не бросай меня... – кричала в исступлении Ирина, тормоша Виктора.

Ирина делала массаж, как учили. Она вдыхала в его рот свой воздух вместе с со своей душой. А потом в исступлении со всей силы стукнула его в грудь и крикнула:

– Боже... Если ты слышишь, возьми мою жизнь, но оставь его на этом свете... Слышишь, если ты есть только, помоги... – и упала на Виктора.

Силы её покинули, её сердце стучало с переборами.

Вдруг, что-то изменилось. Это в жуткой тишине, вдруг Ирина услышала почти неуловимый полу – вздох, полу – стон. Господь услышал её просьбу и оставил её мужа с ней.

Ирина еле встала, нашла телефон и вызвала неотложку.

Скорая приехала быстро. Виктору сделали кардиограмму и несколько уколов и увезли в больницу. Ирине тоже сделали укол, но оставили дома одну.

Ирина лежала в постели. Она всё рвалась туда в больницу, но сил не было. Доктор заверил, что приступ миновал, и что во время их вызвали, что всё будет хорошо.

Успокоительное средство делало своё дело, Ирина проваливалась в сон. На неё вдруг наплывало полу – ведение, полу явь, еще одного случая, когда она еще девочкой, еще после того, первого её сердечного приступа очнулась в реанимации кардиологического центра. Как давно это было. Дверь в палату приоткрылась и в дверной проём, бочком вошел тот молоденький паренёк, в накинутом на плечи белом халате с маленькой веточкой белой сирени и большим рыжим апельсином.

– Ну, ты чего это тут? Ну, ты давай, живи... – произнес он осипшим от волнения голосом.

Часть 1

Ирина спала тревожным сном. Ей снился муж, лежащий в кухне на полу, медсестра, делавшая ему и ей уколы и мама. Мама ей очень редко снилась, почему она и сама не знала, наверно просто Ирина заблокировала о ней память. Почему? Скорее всего, потому, что всё, что связано с детством у нее до сих пор вызывает сильные переживания и волнение, а ей это запрещено. Виктор, дорогой её Виктор, сделал всё в этой жизни для этого. Её муж подарил ей шанс просто пожить, как все нормальные люди живут, а сейчас он в опасности и она не знала, что делать.

Ирина, металась во сне, пытаясь вспомнить, как и с чего всё началось, и всё порывалась куда-то бежать, но препарат не давал ей окончательно проснуться.

В комнату сквозь ночные шторы пробрался первый лучик солнца.

Он блуждал по стене и картинам, и казалось, что картины оживают. Меняются краски и очертания. Виктор специально повесил картины так, чтобы игра света и тени проявляла всю палитру красок и души вложенных в них.

Ирина любила просыпаться по утрам и рассматривать картины и игру цвета в зависимости от погоды. Утро сегодня было солнечным. Ирина проснулась и лежала, осмысливая случившееся ночью. У неё не было сил заставить себя встать и бежать в больницу. Она знала, что в реанимацию её не пустят. Ирина лежала и рассматривала картину, на которую падал солнечный луч. Раньше она об этом не думала, а сейчас она сразу увидела всё, что хотел сказать ей её муж, известный художник и преподаватель.

На картине, как и тогда в первую их встречу в больнице была нарисована белая веточка сирени в вазе и несколько оранжевых апельсинов на плетеной тарелке для фруктов. Рядом были пейзажи, дома, сирень, тополя. Но этот натюрморт висел очень удобно, так чтобы первые утренние лучи его освещавшие, делали картину осязаемой. Мазки были расположены так, чтобы лучи и тени изменяли её в зависимости от времени суток.

– Память, память... Как же я всё забыла? Столько лет прошло, успокоилась. Даже не замечала, а может просто не хотела вспоминать то, что прошло и вызывало боль и обиду. Что изменилось этой ночью? Что? Да, всё... Жила не думая, что всё однажды кончится... Как же я его люблю, как мало мы об этом говорили... – подумала Ирина и решила встать и пойти в больницу к мужу.

Пока Ирина вставала, заправляла кровать и одевалась. У неё не выходил из головы тот случай, тот самый, первый, когда её молодую, почти девочку, привезли по скорой в реанимацию кардиологического отделения местной больницы. Почему тогда она оказалась одна в незнакомом городе? Почему, так случилось, что Виктор пришел в тот момент, когда её силы были на исходе, а её сердце работать совсем отказывалось. Что это было? Проведение или судьба? И как тогда еще молодой паренёк и начинающий художник, почувствовал это на подсознании и пришел её поддержать, тем самым заставив, её сердце забиться сильнее, и вернул её к жизни. Три минутки, только на три минутки разрешили тогда Виктору войти к ней в реанимацию, чтобы сказать, что она не одна в этой жизни и нужна ему. Ещё то, что он ждёт её и приглашает на свидание.

– Господи, сколько же с тех пор лет прошло? Много. Очень много, но пролетели они, как мгновение, а сейчас моя очередь настала. Господи, помоги... Пусть он живёт... Только пусть он живет... – шептала Ирина, собирая вещи Виктора в больницу.

Ирина взяла в ванной бритвенные принадлежности и зубную щетку Виктора. Немного постояла, осматриваясь. В ванной комнате было тепло и уютно, но чего – то не хватало, а чего она не смогла понять. Она сложила всё в пакет и вдруг осознала, что в комнате нет его запаха и хаоса, который он по утрам оставлял. На полу не было капель, ведь Виктор всегда умывался

с удовольствием, разбрызгивал капли, а она всегда приходила после него, собирала его разбросанные вещи в корзину с грязным бельём и наводила порядок. Сейчас в ванной комнате было сухо, тепло и уютно...

Ирина вышла. Она не смогла больше там находиться, хотя очень любила эту часть своей квартиры. Она пошла в гардеробную. Там сохранился его запах и вещи висели на своём месте. Ирина сняла с вешалки его спортивный костюм, прижалась лицом к нему и заплакала. Костюм хранил его запах и запах его тоника. Виктор любил нежные природные полутона в парфюме. Ирина всегда это знала и покупала для него именно то, что ему нравилось. Вещи были собраны. Уложены в большую спортивную сумку, а Ирина всё стояла в гардеробной. Ей казалось. Что здесь они вместе и всё в порядке, всё, как раньше, но нужно было идти, и она вышла, плотно закрыв дверь.

Весь путь до больницы, Ирина думала о том, что же с ними случилось, как так произошло, что часть негативных воспоминаний стёрлись из её памяти. Эти годы, долгие годы совместной жизни притупили ту боль, которая, так мешала ей жить в тот период жизни, когда сердце её отказывалось работать. И это сделал он, её муж, подарив ей жизнь, а теперь её очередь...

Она решила, что всё ему напомнит, они обо всём поговорят и всё вспомнят. Это принцип полного стакана и капли... Освободятся от грустных воспоминаний, отпустят и пойдут вместе дальше по жизни.

– Вы к кому? Сюда нельзя. Здесь реанимация – остановил её охранник, тем вернув Ирину в реальность.

– А мне сюда и надо. Вчера моего мужа сюда привезли по скорой – волнуясь, почти прошептала Ирина...

Часть 2

Охранник преградил ей путь, перекрыв вход.

– Вам нужно взять пропуск – спокойно сказал он – а потом нужен белый халат, бахилы и маска. Здесь же реанимация.

– А? Да, да... А где взять пропуск? – рассеянно спросила Ирина.

– Выйдите, там направо крылечко. Там приёмный покой и доктор, если вам разрешат, то выдадут пропуск – ответил охранник.

Ирина вышла и пошла, искать приёмный покой.

Все лишние пугающие её мысли она прогоняла прочь и шла на автомате. Её сердце зачистило, но она взяла себя в руки. Её мужу сейчас ещё хуже, чем ей, и она должна быть сильной и найти возможность помочь ему.

– Никогда не думала, что такое возможно. Я жила и всегда знала, что Виктор, как ангел хранитель всегда рядом, что если он рядом ничего плохого не случится... И вдруг это несчастье. Я растерялась... почему? Потому, что мало думала о нём? Была занята своими переживаниями и своими проблемами больше, чем всем остальным. Почему? Потому, что Виктор давал такую возможность мне жить своей жизнью, и был всегда рядом. А я? Что я? Как могла не увидеть, что ему плохо, что он недомогает? Не прощу себе этого. Я чуть его не потеряла. Я всё изменю, я найду в себе силы помочь ему... – думала Ирина, ища вход в приёмное отделение больницы.

– Женщина, вы куда? Сюда нельзя – окликнула её медсестра, за стойкой, когда она вошла в приёмное отделение.

Ирина подошла к стойке и спросила:

– Скажите, пожалуйста, вчера привезли сюда в реанимацию моего мужа, я могу его видеть или узнать о его самочувствии, а еще я бы хотела встретиться с его лечащим доктором.

Медсестра спросила его данные и попросила полис, немного помолчала, пока искала в компьютере данные и ответила:

– Да, его привезли ночью. Состояние стабильное. К нему пока нельзя. Все вопросы к доктору. Доктор будет после 15.00, у него обход. Приходите позже. Справок других не даём. Вещи не принимаем, там всё есть, а как выведут в палату, дадим пропуск, и сами отнесёте. Не волнуйтесь, всё будет хорошо. Идите домой, и приходите после обеда.

– А может, телефон доктора дадите? – робко спросила Ирина.

– Нет, не даём. А телефон приёмного покоя запишите, можете звонить – сказала медсестра и дала визитку с номером.

Медсестра отвернулась к стеллажам с папками, давая понять, что разговор окончен.

Ирина отошла от стойки и села в пластиковое кресло, которое стояло напротив входа.

Её сердце колотилось. В висках стучало от слабости и волнения. Она достала маленькую бутылочку с водой и таблетку. Выпила таблетку, запив её водой, а потом достала бутерброд и стала, есть, запивая его водой.

– Женщина, вы, что ждать здесь будете? Здесь нельзя. Да и долго. Доктор сюда приходит только после 15.00, а то и позже, если сложный случай. Идите домой и звоните.

– Да, сейчас пойду. Просто устала, ночь не спала. Сейчас... – ответила, Ирина, вставая, пряча недоеденный бутерброд в сумку.

Ирина вышла из приёмного покоя и пошла на остановку автобуса. Идти было минут 15, не больше, но ей казалось, что этот путь бесконечен. Она даже не вспомнила, что можно вызвать такси, позвонить сыновьям. Сыновья еще не знали, что с отцом случилось такое несчастье. Что-то заблокировало её нормальное восприятие, и она себя ощущала в какой-то нереальности.

Ирина шла по улице, не обращая внимания на прохожих. Они обходили её, поскольку она шла посередине тротуара и мешала им. Она устала. После таблетки появилась, какая – то вялость, усталость в ногах и ей захотелось присесть на скамеечку. Пройдя еще немного, она увидела каштановую аллею и решила пойти найти скамейку и посидеть. Ирина свернула на эту аллею и вдруг увидела, как вдоль аллеи сидят дети на маленьких стульчиках и рисуют этюды. Она в изнеможении почти упала на рядом стоящую скамейку, закрыла руками лицо и зарыдала. Она плакала и плакала... Слёзы ручейками бежали сквозь пальцы, а она не обращала ни на что внимание.

К ней подошла женщина и спросила:

– Вам плохо? Что случилось? Я могу вам помочь?

– Благодарю, вас. Всё в порядке, просто мой муж здесь в больнице в реанимации... – сквозь слезы и всхлипы ответила Ирина.

– А почему вы тут сидите? Может вызвать такси? Или позвонить кому —ни будь близким, чтоб приехали за вами? – предложила женщина – я здесь с ребятами из художественной школы на этюдах, вы ведь уже давно тут... Заболеете, прохладно.

– Спасибо, что окликнули меня. Я потеряла счёт времени. Я сама. Я сейчас позвоню сыновьям... – ответила Ирина, вспомнив, что они не знают еще о случившемся.

Пока Ирина искала телефон, пока думала, как она скажет им. В голове её металась воспоминания, как стая голубей перед грозой.

Неужели должно было что-то случиться, чтобы она вдруг всё вспомнила, что так долго ей не давало нормально жить. Почему, она, поступает, так же, как её мать когда-то... Что это? Подсознательная установка? А может просто защитная реакция – одной проще выстоять? Почему она сразу не позвонила детям? Что-то ей помешало, но что? Воспоминания её всё возвращали и возвращали в её детство и юность, о котором она много лет предпочитала не вспоминать.

Вдруг зазвонил её телефон. Эта веселая мелодия сразу её задела, как напоминание её прошлой беспечной жизни, и она быстро ответила сыну.

– Мама, ты где? Я заехал домой, а там никого. Соседка сказала, что ночью была скорая? Как ты? Что с тобой? Я же волнуюсь... Чего – то и папа не отвечает... Вы где? – волнуясь, частил сын.

Ирина, слушала и молчала, она обрадовалась сыну, но не знала, как сказать, что отец, так любимый сыновьями, лежит в реанимации.

– Да, не волнуйся. Если сможешь, то приезжай и забери меня. Сажу на лавочке – сказала Ирина и объяснила, как её найти.

Она не стала говорить сыну про отца, побоялась, что разволнуется и может попасть в аварию. Она решила, пусть приедет и они поговорят.

Ирина встала с лавочки и прошла по каштановой аллее, рассматривая этюды, которые делали дети. Они были разнообразные. Каждый начинающий художник видел всё по – своему. Ирина смотрела на этюды детей, а вспоминала, как она, будучи ещё очень молодой девочкой, ходила по парку, расположенному рядом с общежитием, в котором она жила, и заглядывала украдкой в мольберт молодого художника, который писал акварели. Это был молодой высокий, кудрявый с рыжим оттенком волос, молодой человек. Как впоследствии, она узнала – звали его – Виктор.

Часть 3

– Мама, мама, ты слышишь меня? Я тебя зову, а ты не слышишь, что с тобой? Где папа? Почему ты так рано гуляешь одна? – сыпал вопросами сын, беря Ирину за локоть.

Ирина не слышала, как он подошел. Она в своих воспоминаниях была там в том парке, где впервые встретила Виктора. Сын резко прервал ход её мыслей и воспоминаний, возвращая к действительности.

– Извини, Артём, не услышала, задумалась – сказала Ирина и отвела глаза в сторону.

– Мама, я тебя хорошо знаю... Что случилось? Ты плакала? Глаза красные и на лице нет ни косметики и помады. Ты бледная, как смерть, что стряслось? И всё таки, почему ты гуляешь здесь одна и так рано? Ты хорошо себя чувствуешь? – взволнованно говорил сын, осматривая её. Вдруг он увидел сумку, стоящую у скамейки и узнал её.

– Мама, а ты куда собралась? Папа знает? Это же ведь наша сумка? Да? – задал вопрос сын.

Ирина глубоко вздохнула, набрала полные лёгкие воздуха и сказала:

– Тёма, давай присядем, и я тебе всё расскажу – спокойно сказала Ирина.

Ирина всегда умела в период неприятностей и трудностей быстро собрать всю свою волю в кулак, спокойно держаться и принимать все необходимые решения с холодной головой, поскольку больное её сердце, не позволяло ей такую роскошь, как волнение. Время волнения сегодня подошло к концу, пришло время решений и быстрого реагирования, поскольку на кону была жизнь её горячо любимого мужа и отца её сыновей.

– Садись, Тёма, разговор будет сложный. Ночью случилась беда. Эта беда случилась с папой. У него ишемический инсульт... Ты так не волнуйся, все обошлось – поспешила она успокоить сына, увидев, как его скулы побелели, как он судорожно сжал кулаки и стукнул по скамейке, на которой они сидели.

– И что ты молчишь? Почему не позвонила сразу? Как ты могла, мама? Почему, так случилось? – сильно волнуясь, почти заикаясь, выкрикивал вопросы её сын – мама, мало того, что мы чуть тебя не потеряли, так могли и отца лишиться. Тебе же сказано было чисто русским языком, если что не так, сразу звони, почему не звонила. Почему тут околачиваешься с сумкой? Почему... Почемууу... Одни вопросы, а ты, как всегда молчишь и тормозишь... Время, время сейчас всё определяет быть или не быть, жить или нет – горячился Артём.

Ирина сидела и слушала не внимательно упрёки сына, она знала, что это он от шока и волнения. Ей хотелось всё рассказать, как она нашла Виктора, лежащим на полу в кухне, как кричала, и как хотела умереть вместо него, а потом его увезли. А ещё, как ей пришлось тогда раньше, ещё в молодости, пришлось трудно, но что-то её удерживало. А что она не могла понять, скорее всего, её мать... Опять она... Да, действительно мать – это единственный человек, который имеет право и возможность повлиять на жизнь своего ребенка, а особенно не желанного...

– Да, я это отлично понимаю, сын. Теперь всё позади. Папа в больнице, тут недалеко в реанимации... – немного рассеянно, немного устало произнесла Ирина – не позвонила почему? Просто мне сделали тоже укол, и я спала дома, а папу увезла неотложка. Я тебе всё сейчас расскажу. Ты только не горячись. К папе не пустят сегодня. Я была в больнице, выпила таблетку и почувствовала себя неважно и зашла сюда в аллею и позвонила тебе. Почему сразу не позвонила, просто не сообразила сразу, что и кому звонить и говорить...

Ирина говорила тихо и спокойно. Она держала Артёма за руку и гладила её, как тогда в детстве, когда он попал в больницу с аппендицитом. Ей хотелось его пожалеть и успокоить, а еще уберечь от тревог и забот, но она не могла понять, что время уже изменило ситуацию,

и что пришел тот возраст, когда она должна уже дать возможность и принять заботу детей, и не казаться сильной, тогда, когда силы её уже идут на убыль.

– Ты, понимаешь, что иногда в трудную минуту многое, что было привычным в жизни, вдруг исчезает... И ты забываешь обо всем, только одно, только самое важное остаётся... Вот в тот момент я поняла, что всё не важно, кроме Виктора... А ночью почувствовала, что что-то не так, поэтому и встала, а он лежит и не дышит. Знаешь, Тёма, мне тогда не до чего было... Вы извините меня, давай позвоним Андрею, он ещё тоже о случившемся не знает, а потом отвези меня домой. К отцу пойдем после трех, а есть вот телефон для справок и всё – уже спокойно говорила Ирина сыну.

Артём звонил Андрею. О чём – то долго и взволнованно они говорили.

Ирина сидела на скамейке и не слушала, она опять думала о своём, о прошлом. Только в минуты стресса и волнения почему – то сразу вспоминается прошлое, причём давно забытое... Ирина смотрела на сына. Она очень любила своего младшенького. Он вырос красивым и умным, очень трепетно относился к ней. Артём всегда звонил и справлялся о её здоровье, а вот Андрей почему-то обижался на неё и ему, как он говорил всегда, что ему не хватает внимания и её любви, хотя к обоим сыновьям она относилась одинаково.

– Господи, как я тогда могла решиться завести детей. Как врачи меня отговаривали, но Виктор знал и поддерживал во всём меня, давая возможность жить нормальной жизнью, как все, с моим больным сердцем, и я всё смогла... Я родила двух сыновей, вопреки всему... И почему сейчас мои сыновья ощущают почти тоже, но только несколько иначе, чем мы с сестрой... Только сейчас в этот трудный для меня период я вдруг поняла, что я многое делаю, как моя мать. По большому счёту, я такая же, как она... – рассуждала Ирина, ожидая конца разговора сыновей.

– Мама, ну, что пошли, я тебя отвезу домой – прервал её размышления Артём.

– Андрей позвонит своему знакомому врачу, он всё узнает и перезвонит. Мама, мама, нужно сразу было звонить... Сразу... Как ты это не понимаешь, сразу... Тогда и риск и последствий было бы меньше... Пошли в машину – сказал Артём, слегка наклоняясь к ней и помогая встать.

Артём припарковал машину метров в 200 от скамейки. Они шли аллеей, где сидели и рисовали свои этюды дети. Ирина шла и смотрела, как они это делают, а в памяти всплывали другие этюды и парк.

Часть 4

– Когда же это было? Давно... стояла ранняя осень или весна? Нет, это был конец марта. На улице было еще прохладно и в парке у общежития деревья стояли совсем голые, и только кое- где набухали почки на абрикосах. Абрикосы всегда распускались первыми. Их бело – розовые цветочки на коричнево – песочных ветках и корявых стволах смотрелись очень красиво, напоминали цветение сакуры. Возле общежития, на южной его стороне, там, где проходила теплотрасса, отапливавшая здание, создавался свой микроклимат и абрикосы – дички всегда зацветали первыми. В тот год весна стояла теплая и ранняя, и заросли диких абрикос, как обычно, зацвели раньше всех остальных плодовых деревьев. В этой части парка, территория была неухоженной. Нагромождение труб, заросли колючих абрикос и акаций и старые скамейки, привлекающие молодежь своей уединённостью, создавали иллюзию заброшенности и первозданности одновременно, чем и привлекали молодых студентов художественного училища. Вот тут я и встретила однажды Виктора и его сокурсника Сергея. Они поставили на треноги мольберты и писали акварели. Они были увлечены своей работой и первыми нежными бутончиками и цветами дикой абрикосы. Аромат стоял нежный, тонкий. Первые пчёлы жужжали, отвлекая их от работы. Краски сохли плохо, а пчёлы чувствовали запах мёда в их составе и периодически подлетали к мольбертам и своим жужжанием отвлекали художников от работы. Вот в один из очередных налетов пчелы, Виктор отошел от мольберта, чтобы избежать укуса разъяренной пчелы, тем, что Сергей её отогнал от своего мольберта. Виктор, обернулся и увидел, двух молоденьких девушек, с интересом наблюдавших за ними. Да, сцена была еще та... Два взрослых парня боятся пчелы... Мы смеялись от души, но очень хотели посмотреть, что они там пишут – Ирина улыбнулась, сама себе, вспомнив этот момент из своей жизни.

– Мама, ты чего улыбаешься? Что – то вспомнила? А помнишь, как мы ходили в художественную школу и так же сидели в парке и рисовали? Жаль, из нас, так художники не получились, но все равно здорово было. Отец нас учил всему... Учил, как держать правильно карандаш, как выбирать кисти и правильно ставить свет... Это было здорово... – перебил сын воспоминания Ирины.

– И это тоже... – уклончиво ответила Ирина.

– Нет, не правильно говорю, не верно... Папа еще научит моих детей всему, может кто-то из них и станет художником... – немного стусевавшись, проговорил в раздумье Артём, паркуя автомобиль у дома.

– Всё правильно, Тема. Папа обязательно поправится – с волнение в голосе, произнесла Ирина, отстегивая ремень безопасности и выходя их машины.

Когда они поднялись на этаж, Ирина встала в нерешительности перед дверью. У неё не было сил войти в квартиру, где нет Виктора. Она стояла и ждала, когда поднимется Артём.

Вдруг дверь соседней открылась и на площадку выкатилась соседка. Она была маленького роста и полненькая, одевалась ярко и была похожа на рождественский елочный шарик.

– Ой, Ирыночка, шо ж Вы тут стоите? Идемте ко мне ж... Там посидим, поговорим... Как вы, как ваше драгоценное здоровье? А что неотложка вас увезла вчера, а вы ж уже туточки опять... – тараторила соседка.

– Спасибо, все более менее... Вчера Виктора увезла неотложка, ишемический инсульт, еле откачали. Да и меня чуть за ним не увезли... Вот такая беда, Целя Иосифовна... Вот такая беда... – повторила Ирина, уже для себя, чтобы в полной мере осознать случившееся.

– Ой, оййй... Ничего, душенька, ничего... Все под ним ходим... Он всё видит... Верьте, всё будет хорошо... – ноткой напускной скорби, произнесла Целя Иосифовна.

– Мама, а что ты тут стоишь? – спросил сын, поднимаясь по лестнице и неся сумку.

– Да, просто не могу войти... Сил нет войти туда, где папы нет – сказала Ирина, открывая ключом дверь.

– Ну, пошли я тебя провожу, да поеду, съезжу к Андрею, а ты отдохни немного. Мы съездим в больницу и к знакомому врачу, а потом заедем за тобой. Андрей уже в больнице был. Все хорошо с папой. Лежит, всё ему делают. В сознании. К нему пока нельзя. Состояние средней тяжести. Вечером придет Наташка с детьми, пока тут побудут с тобой – говори Артём, пропуская Ирину вперед, входя в квартиру.

Ирина вошла и сразу села на пуф, стоящий у двери. Ноги дрожали от напряжения и усталости. Сердце частило и ломило. Пришло время принять таблетку и поесть, она еще не ела и в желудке отчего – то жгло, скорее всего от голода и жажды.

– Мама, давай помогу тебе – сказал Артём, снимая с неё пальто и расстегивая сапоги.

Ирина прошла на кухню, приняла таблетку, поставила чайник и пошла в ванну. И тут её накрыло, как будто волной. В груди, стоящий комок вдруг вырвался наружу, ей не хватало воздуха, слёзы градом катились, не переставая, и Ирина зарыдала в голос. Она голосила и голосила...

Сын стоял в проёме двери и не знал, что делать. Дать ей проплакаться или поить вальерьянкой. Его вид был растерянный и включенный, как у молоденького галчонка, готовившего вылететь из гнезда.

Вдруг Ирина увидела сына и остановилась. Что её остановило, она не поняла или всё выкричала, или взъерошенный и растерянный вид сына... Она только сейчас осознала случившееся, а еще, что жизнь на этом не заканчивается...

– Извини, сына, извини... Не смогла сдержаться. Утром собирала вещи Виктора, мне так пусто без него всё показалось, да и уколы ещё действовали, а сейчас прорвало, напугала тебя... Прости – прошептала Ирина, выходя из ванной.

Вскоре Артём уехал, убедившись в том, что с матерью всё в порядке.

Ирина прилегла в спальне и лежала, рассматривала картины на стене и вспоминала знакомство с Виктором, как она приехала в город на учебу, а еще слова её бабушки, как же они её тогда ранили и били, хлестко с отмашкой, зная, что каждое слово падает в точку и ранит её.

– Я всё время думала, почему в моей жизни все не просто и что не так... Я рано поняла, что меня не любили и не всё мне говорили, только не могла понять, почему... Я всегда сочувствовала матери. Мы жили очень бедно, в маленькой хатке вместе с бабушкой. Отец её не любил, бил и часто бил, а мама всегда отыгрывалась на мне. Мою младшую сестру она любила, баловала и всегда лучше одевала и кормила, а мне доставались старые её платья, перешитые на меня и то, что останется со стола. Я всегда хотела спрятаться и уйти куда – ни будь, только чтобы меня не обижали. Я чувствовала себя лишней, а иногда хотелось от этого просто умереть. Я думала, что умру, а потом все будут жалеть и любить меня – вспоминала Ирина.

Она не могла никак ни на что переключиться. Воспоминания нахлынули, как водопад. Они долго не давали о себе знать, пока Виктор был рядом. Виктор не давал ей такой возможности думать об этом.

– Моё сердце отказывалось работать и все время мне приходилось пить таблетки. Мать считала, что этого достаточно. Когда я закончила 8 классов меня мой дядя, мамин брат, забрал в город, и я поступила в училище швейной фабрике. Вот это было счастье. Мне дали общежитие. Как же там было красиво. Голубые стены, большие окна. Там был душ и прачечная. Моё сердце стучало радостно, у меня появилась надежда на новую жизнь, но однажды мне сообщили, что мой дядя в больнице. Он был сердечником. И когда я пришла навестить его в больницу, он мне и рассказал историю моей матери и моего рождения. Я была в шоке. Мне хотелось кричать и плакать. Я ничего не понимала тогда, почему свои ошибки мать переложила на меня и тогда я поняла, почему моё сердце отказывалось работать. Это сейчас я понимаю, что в животе малыш все понимает, а особенно, что он не нужен и нежелателен. Вот откуда

это подсознательно желание уйти из жизни и отказ от жизни. Вот тогда я и поехала домой в деревню к бабушке, чтобы выяснить всё. Господи, лучше бы я не ездила, потому, что меня там никто не ждал.

Часть 5

– Ирина, ты пойми и не суди мать. Она была молодая, глупая, а отец фронтовик, бравый, жаль только с одинокими бабами. Бабы на него вешались пачками, только бы забеременеть, мужики почти все там остались, на войне, или пришли покалеченные. Кто на тело, а кто и на всю голову. Вот твой отец он, точно был ушибленный на всю голову. Ну, в общем, твоя бабка его приняла и жили они, если честно, то не очень хорошо. Гулял твой отец и пил много. Бабушка была его старше лет десять, а то и одиннадцать. И вот твой отец обратил внимание на твою мать. Она была молоденькой, красивой и веселой, в отличие от его жены, уставшей от его пьянок. Твой отец распустил хвост, как павлин, и соблазнил твою мать. Мать полюбила этого павлина, и они таились до тех пор, пока бабушка не застала их. Отец поклялся, что все закончилось, что это просто случайность и что твоя мать сама его соблазнила. Бабушка и это простила бы, все же женское требует своего, тебе этого пока не понять, если бы не беременность твоей матери. Если в двух словах, то бабка твоя распорядилась так, что бы позор дочери скрыть, женить твоего отца на своей молоденькой дочери и отделить их. Вот так ты и родилась. Остальное ты знаешь. Вот почему тебя твоя бабушка не любит. Говорят, что если существует какая-то ненависть, даже скрытая, ребенок это чувствует и может заболеть. Я думаю вот ты и заболела. Не хочу судить свою сестру и племянницу. Война много дел натворила, но я видел, как к тебе относились они. Не любили, обижали. Дуры бабы, не понимали, что мужик мужиком, а дитё – не виновато. Сколько баб осталось холостыми, и дитя не родили, а твоей матери такое счастье выпало, до сих пор бабка твою мать не простила, а причём здесь мать, когда рядом такой котяра облизывался. Вот я и решил тебе помочь. Как закончила восемь классов, решил забрать сюда в город. Я не смог семью завести. Сердце не даёт. Болит, не знаю, где и что случится. Вот тебе помочь сумею... Только хочу сказать тебе одно, счастье и тебе заказано. Сердце твоё оно не выдержит всего, что может случиться в семейной жизни. Когда ты лежала в больнице, я спросил доктора, он мне все и рассказал. Видать, ты в меня. Просто живи, работай, радуйся, что живешь, а семью тебе не потянуть. Береги себя, для чего-то Господь тебя же явил на этот свет. А домой не ездь, ты там никому не нужна. Успокойся, и сердце успокоится.

Ирине хотелось кричать и плакать. Она вспомнила своего дядю, единственного человека, который любил и заботился о ней. Он ушел недавно, просто не проснулся после очередной операции на сердце, а сейчас в реанимации был её любимый муж.

– Я ничего не понимала тогда, почему свои ошибки мать переложила на меня и тогда я поняла, почему моё сердце отказывалось работать. Это сейчас я понимаю, что в животе малыш все понимает, а особенно, что он не нужен и нежелателен. Вот откуда это подсознательно желание уйти из жизни и отказ от жизни. Вот тогда я и поехала домой в деревню к бабушке, чтобы выяснить всё. Господи, лучше бы я домой не ездила, потому, что меня там никто не ждал.

– Как же это было? – подумала Ирина.

После разговора с дядей, она отпросилась с работы на два дня перед выходными и поехала домой. Дома она давно не была, почти год. Сестра иногда приезжала, но ненадолго и по своим делам, но никогда ничего из дома не привозила и ничего не рассказывала. Лучше бы она не ездила. Сначала несколько часов на местном поезде, потом на старом пазике, совсем вымотали Ирину. Сердце стучало с удвоенной нагрузкой. Она устала очень. Есть не хотелось. Голова болела от голода, но ничего не могла проглотить. Только пила воду. Она очень волновалась, переживала о том, как ей получится поговорить с бабушкой и матерью. Об отце она не думала. Что может сказать спившийся человек, для которого необходима только выпивка и её количество. Она ехала и вспоминала о том, как пьяный отец устраивал разборки полетов, как кричала и плакала мать, как потом он бил её, а бабушка стояла и смотрела, и как ей, Ирине

казалось, а сейчас она отлично понимала, что нет, что бабушка улыбалась, злорадствуя. Ненависть или что это? А еще, как она, Ирина пряталась сама и брала с собой младшую сестрѐнку под стол, прижимала её к себе и закрывала ей уши. Чтобы не слышать этого ужаса. А потом начинался ужас для неё, когда отец, получив то, что хотел от матери, засыпал... Мать разыскивала, их под столом или где – то в другом месте, как например чулане, или под крыльцом, и начинала вымещать своё зло и ненависть, забрав младшую сестрѐнку. Она кричала всё, что придет в голову... А Ирина, сжимаясь в комок, старалась стать незаметной и раствориться в темноте чулана, чтобы мать только скорее выкричалась и ушла, и потом начинался ужас для Ирины. Сердце колотилось, голова болела, а она не могла понять, за что и почему? Она понимала, что она никому не нужна, и никто о ней не заботился. Сколько раз ей приходили мысли о том, что ей незачем жить. А еще, если б она умерла, то все бы с облегчением вздохнули. Она в тихом ужасе, сидя под столом, слушала, как отец в пьяном угаре храпел или домогался внимания матери, а потом довольный засыпал. Как плакала мать, не думая о том, что её дочь всю ночь сидит под столом или в чулане. Мать никогда не интересовалась, как она себя чувствует и что ей хочется.

– Что сделать если ты больная уродилась, живи, пока живешь. Сама виновата и твой папаша... Скорее бы ты сдохла – нахлебником станет меньше – кричала в запале мать.

Ирина раньше думала, что это от боли и обиды на отца и на свою судьбу, а сейчас она поняла, что это от безысходности и ненависти к ней и своей матери. А что может родить ненависть – только ненависть. И Ирина это понимала. До пятнадцати лет ничего хорошего в её жизни не происходило. Училась она, не смотря ни на что, хорошо. Иногда приезжал дядя, и он обещал её увезти в город. Мать новых вещей ей не покупала, а перешивала свои старые, поскольку считала, что нет необходимости на неё тратить деньги. А их всегда не хватало. Зато её сестрѐнку одевала, как куколку.

– Танька, она моя любимая девочка. Она родилась, когда отец не пил, и я была счастлива. Она дитя любви, а ты греха, и отстань от меня, обойдешься и так – говорила мать, ничего ей не объясняя, на её просьбы что-то ей купит или сделать.

Таньке все было лучше – и кусок – вкуснее и больше, и одежда – лучше и наряднее, и мать её ласкала и обнимала чаще, а вот Ирину – никогда. Ирина никогда не помнила, что её бабушка обнимала или целовала. Всегда сунет, как кошке тарелку и скажет – на, ешь... И всё. Или начнет ругать за то, что не сделала или нужно сделать.

И вот сейчас всё всплыло на поверхность. Что она тогда ощущала, когда ехала домой? Обиду? Боль? Но, главное – за что? Сердце все понимало и отказывалось работать, стучало с переборами, частило, но Ирина решила всё выяснить раз и навсегда. Что это? Юношеский максимализм или просто желание знать, не думая о последствиях. Она тогда не знала, что этот разговор будет стоить ей почти жизни, но случится чудо, и это чудо свершит Виктор.

Пазик остановился на небольшом перекрёсточке. Там стоял указатель – Деревня Выдрино – 1,5км. Ирина вышла. Она остановилась, осмотрелась и решительно пошла в сторону деревни. Дорога была грунтовая, разбитая. Извивалась змейей вдоль поля с подсолнухами и лесом. Было приятно идти и вдыхать свежесть и запах цветущих подсолнухов. Этот запах её возвращал в детство и в её переживания. По мере приближения к деревне, Ирина шла всё медленнее. Около деревни в тени леса был сделан грибок из тѐса и две скамеечки рядом с ним. Она присела на одну скамеечку, разулась, устали ноги. Ей хотелось посидеть и настроиться на встречу с родственниками. Сердце в волнении частило. Ирина достала небольшую бутылочку с водой и таблетки. Выпила таблетку, запила её водой и задумалась ненадолго, потом обухлась, резко встала и решительно двинулась в сторону дома. Чем ближе подходила к дому, тем медленнее она шла. Сельская улица, таких, неухоженных и раздолбанных множество по всей стране, но это была её родная улица. Здесь за эти три года, когда она уехала в город учиться, ничего не изменилась. Как всегда у соседей у двора дрова, стог сена и куча навоза. Новые

ворота и стоит старый мотоцикл, военный Урал, с коляской, приспособленной для перевозки сена. Как тогда выскочила их собака Зойка, названная в честь тещи хозяина. Зойка её узнала, скулила и прыгала от радости. Хоть собака обрадовалась её приезду. Рядом был дом её родителей. Это была полная противоположность. У дома и палисадника росла крапива и мальва в рост человека. Калитка палисадника болталась на одной петле. Ирина постояла немного и вошла во двор. Двор был запущен. В углу была куча всевозможного мусора. Сам двор зарос тоже травой. В траве просматривались две тропинки: одна к старому, обшарпанному дому, а другая – к бане. Огород был не засеян. Всё выглядело запущенным и заброшенным, и только три кошки выбежали ей навстречу, что говорило о том, что здесь живут люди. Ирина остановилась и осмотрелась. Ей хотелось осмыслить все и собраться с мыслями, перед тем, как войдет в дом, но дверь бани скрипнула, и Ирина увидела бабушку.

– Кто здесь? Ты кто? – спросила её старуха, опираясь на старую лыжную палку и поправляя старый замызганный платок, надетый маленьким концом наверх.

– Здравствуй бабушка, это я, Ирина. Я приехала, навестить вас. Как твоё здоровье – почти прокричала Ирина.

– А что? Ждешь наследства? Не дождешься... Ещё жива... – покаркала старуха, поворачиваясь уйти, потом немного подумала, обернулась и спросила:

– А что? Что случилось или деньги нужны, так у нас нет их. А что привезла? Может конфетки и чай есть, а то надоело траву заваривать, а?

– Да, бабушка, я тебе гостинцы привезла – сказала Ирина, намереваясь войти в дом.

– Туда не ходи, не надо... Там гости, со вчерашнего ещё не вставали, пойдем в баню... Я там теперь... – почти прошипела от злости и безысходности старуха, поманив её за собой.

Ирина пошла за ней, а кошки потянулись за ними.

Баня, была переделана под маленькую избушку с печкой и лежанкой. В углу стоял маленький стол, покрытый старой клеёнкой, на нем стояла грязная сковородка, с остатками жареной картошки и кружка с остывшим чаем.

– Ну, что привезла? Сейчас чайник поставлю. Проходи. Вот теперь тут живу. Без бани живу. Так и моюсь в тазу. А твои совсем спились. Отец то плох. Не жилец, а туда же. Вот умрет, матери жить не на что будет. Что пенсия у нас колхозная, слезы, две бутылки и 3 буханки и всё – проскрипела бабушка.

Ирина села на лежанку с грязным тряпьём. Ей вспомнилось её общежитие и чистая свободная комната, прачечная и душевая. Оно ей показалось раем. Жизнь дала ей возможность выбраться из этой жизни.

– Ну, чего молчишь? Что не нравится? Как там мой братец поживает, убогий, а всё еще живёт? Чё привезла, давай... – тихо сказала она и поспешно сглотнула слюну.

Ирина достала карамельки и чёрный байховый чай, а также сливочное масло в стеклянной пол-литровой банке, иначе бы растаяло, немного колбаски и плавленые сырки. А еще она для бабушки купила простые хлопчатобумажные чулки, сорочку и платочек.

– Это тебе бабушка, носи. Зарплату у меня небольшая, но все равно хотелось тебе привезти подарок – сказала Ирина, думая, как задать свой вопрос, который так её волновал.

Старуха все взяла, стала рассматривать и заплакала. Она тихо сидела на топчане и поглаживала своей старой сморщенной рукой подарки и тихо плакала. Вернее просто слёзы капали на подарки, а она склонилась и делала вид, что рассматривает их.

– Дождалась... За всю жизнь, мне никто никогда ничего не дарил. Дождалась и от кого, от тебя. Значит скоро наверно умирать. Хорошо, что приехала. Всё скажу, вижу, что спросить что-то хочешь... Чай не дурра, а то зачем бы приехала. Ладно, слушай... Как я тебя ненавижу, всю жизнь. И сейчас – не-на-ви-жжууу..... Была война. Многие мужики погибли, а твой отец был ранен и направлен в тот госпиталь, где я работала нянечкой. Там мы и познакомились. А тут конец войны. Я была красивая, ты вся в меня уродилась, да твоя мать тоже. Война

кончилась. Отца по ранению быстро комиссовали, и мы вернулись сюда, домой в старый дом моих родителей. Много баб одиноких было, отец твой, как начал пить и гулять и однажды допился. Я работала на ферме, уходила рано, приходила поздно. Однажды прихожу и вижу, что они спят с твоей матерью. Ей в ту пору было 17 лет. Как он клялся, что мать его соблазнила... Я поверила. В постели он хорош был. У нас пол села, твои родственники, по отцу. Кобель он оказался. Как я с этим жила не знаю, но если б твоя мать не забеременела, то может, быть всё обошлось. Пузо полезло на нос. Участковый узнал, врачиха сообщила. Стал копать. Что и откуда взялось, а потом кто-то доказал, и он пришел за твоим отцом. Вот тогда я и решила, чтобы отца твоего не забрали, женить его на твоей матери. Отец твой не соглашался, отказывался, да кто б его стал слушать. Он же коммунист, а мы с ним не были записаны, вот тогда я его и заставила формально стать мужем моей дочери, твоей матери. Если б его посадили, а тогда после войны с этим строго было, как бы мы жили. Вот так и жили втроем, пока не родилась Танька. Я ненавидела тебя и твою мать до такой степени, что провоцировала его пить и бить твою мать, а потом этого и не надо было. Он спивался, а я злорадствовала. И сейчас радуюсь, что спились, единственно, о чем жалею, что больше не родила от него, а так хотелось сына. Сын был, но я сделала аборт, побоялась пересудов и прокляла тебя и твою мать за свою испорченную жизнь. Я и сейчас тебя ненавижу всей своей душой и телом. Это из-за тебя вся моя жизнь пошла под откос, и я просто вот так убого доживаю, радуется только то, что дождусь, когда этот кобель сдохнет и за собой утащит твою мать. Вот тогда и мой черед придет, а ты живи и знай, что вся ненависть на тебя ляжет... Проклятая ты. Дохлая родилась, больная... – выкрикивала бабушка, как расстреливала.

Ирина сидела, как во сне, ничего не понимая, где она и что тут делает, а еще за что ей это и как с этим жить и зачем. Её сердце сжалось, как бы замолчало, и она опять представила себя под тем столом...

– Прости меня, бабушка. Прощу тебя, Христа ради прости, и я тебя прощаю.

Господь над тобой. Живи с этим. Я ухожу. Вот передай матери и отцу, когда проснуться. Я больше не приеду – сказала полу – шепотом она, сдерживая свои эмоции, сердцебиение и слёзы.

– Да, пропади ты пропадом... Иди уже... Не могу, я уже больше, а то опять проклянущууу – прорычала старуха, вслед выбегающей из бани Ирине.

Ирина, не оглядываясь и не останавливаясь, выскочила из подворья и почти побежала прочь. Как она вернулась в город и добралась до общежития, она уже не помнила. Все болело и ломило. В глазах было темно, в груди стало горячо, жгло и палило огнём. Когда пришла её соседка, Ирина уже была без сознания. Сердце не хотело работать, и она умирала.

Глава 6

Галина Насыбулько, её соседка по комнате, все её в общежитии звали просто Галкой, вошла в комнату и увидела Ирину лежащей поперек кровати в одежде в неестественной позе. Она знала, что Ирина была сердечница, так в простонародии, называют людей с пороком или заболеванием сердца. Она подбежала к подруге, перевернула её, положила на кровать и поняла, что она уже без сознания. От неожиданности, Галка закричала, подумав, что Ирина умирает. Старая железная односпалка раскладушка – кровать была неудобной, с проваленной сеткой. Ирина лежала неудобно. Галка знала, что необходимо Ирину перенести на пол, но сил у нее не было. Она попробовала раздеть Ирину, но это ей от волнения давалось с трудом. Она громко причитала и плакала, пытаясь привести Ирину в чувство.

На её крик в комнату вбежала тетя Веся, неся с собой свой нехитрый инвентарь.

Тетя Веся, сгорбленная, в синем форменном халате и белой косынке, вбежала в комнату без стука, неся с собой весь свой не хитрый инвентарь – швабру с тряпкой и веник с совком и ведром. Её глаза метались по комнате, ища источник крика. Она была похожа на маленькую горбатенькую девочку, с близко посаженными у носа глазами, почти черного цвета, похожими на глаза хорька. Они сверкали и метали искры, ища причину такого шума. Тетя Веся или Вероника Васильевна Тулибина, жила и работала здесь в общежитии с самого начала, с момента его постройки. Общежитие построили на месте усадьбы, где когда – то жила тетя Веся вместе со своим отцом и его семьей. Она была незаконнорожденная дочь хозяина усадьбы. Её взяли в дом из милости, в качестве прислуги, тем самым давая ей кров и работу. Во время революции хозяин с семейством бежал. Усадьба сильно обгорела, а она осталась одна охранять своё имущество, живя в уцелевшем пристрое. Семьи у неё не было. Когда снесли старую усадьбу и построили общежитие, её взяли на работу помощником коменданта и дали комнату. Потом, когда она вышла на пенсию, осталась жить в общежитии и работать уборщицей, а вернее техническим работником, как она величала её должность.

– Ну, чего шумишь то? Что случилось? – волновалась старушка.

– Ой, ёейй.... Тетя Веся, срочно скорую надо, беги, вызывай, Ирина умирает.... – причитала Галка.

Тетя Веся убежала, бросив всё ее хозяйство прямо в комнате на пол.

Скорая приехала быстро. Врач сказал, что они во время нашли её, еще бы полчаса и не спасти, а сейчас они сделали ей укол, затем увезут её в больницу, и может всё обойдется.

Галка плакала, а тетя Веся грустно смотрела на отъезжающую скорую, вытирая почти сухие глаза кончиком косынки. Она знала, что это обещание может и не случится.

– Господи, помоги девочке. За что ей такое наказание. Спаси и сохрани её – шептала она, в след уезжающей скорой.

Об этом эпизоде Ирина узнала из рассказа Галки, когда та разыскала её в больнице и пришла навестить. Она почти все это забыла, но сегодня это с новой силой стало ей понятно, вернее стало очевидно то, что доброта и сострадание делают чудеса. А еще Галка рассказала, как спустя несколько дней к ним в дверь постучался тот молоденький художник с букетиком сирени, как он испугался и быстро убежал, узнав о случившемся. Ирина тогда не обратила на её слова никакого внимания. Восстанавливающаяся память, то и дело выдавала часть беседы с доктором и дядей, пришедшим её навестить, а еще последние слова её бабушки...

– Держись и крепись племянница – говорил её дядя, сердечник со стажем: – нам с тобой много не дано, а самое главное знай, что семья для тебя – это неисполнимое желание. Оно тебя погубит. С твоим здоровьем и сердцем – это неоправданный риск и невозможная роскошь. Живи и радуйся такой возможности просто жить.

– А зачем тогда жить? Не хочу, лучше бы раз и всё, раз уж ничего нельзя – в ответ прошептала тогда Ирина, но жизнь распорядилась по – своему.

Именно тогда в тот раз, когда ей, Ирине не хотелось жить, и появился в ее реанимационной палате этот молодой и застенчивый паренек, молодой художник. Она всю жизнь будет помнить те 5 минут, которые перевернули всю её жизнь и подарили ей возможность жить нормальной жизнью, иметь детей и семью.

Это случилось рано утром. Была весна, солнце уже пригревало и выпускало свои лучики в палату. Его лучи играли на белой стене, создавая причудливые узоры. Дверь тихонько отворилась и в узкий проем просунулась вихрастая рыжеватая голова на тонкой шее. Потом голова сказала:

– Ой, она здесь?

Потом дверь открылась чуть шире, и в узкий проём полураскрытой створки двери протиснулся высокий и худой, тот паренёк – художник.

В руках он держал маленький букетик белой сирени и большой, такой ароматный и красивый апельсин. Палата сразу наполнилась пьянящим запахом весны и жизни. Это запах проник в нос, а затем Ирине захотелось вздохнуть глубоко, на всю грудь, но она боялась боли.

Паренёк немного постоял, поправил белый халат, спадавший с его худых плеч, и вдруг сказал, четко чеканя каждое слово:

– Ну, ты чего тут лежишь? Ты давай, это – живи, а я буду приходить к тебе. Ты меня очень напугала. Слышишь? Ты слышишь меня? Ты только живи. Я принес тебе сюда весну и сирень, а ещё витаминчик – апельсинчик. Меня сейчас выгонят, но знай, я всегда рядом, а когда выпишут, приглашаю погулять в парк – краснея, как рак, добавил он.

Когда его медсестра выпроваживала из палаты, парень крикнул :

– Меня недаром Виктором зовут – это значит виктории – победа. Мы победим!!!!!! – уже из коридора выкрикнул он.

Глава 7

– Мы победим..... Мы победим.....Нет, дорогой мой, мы тогда победили. Мы и сейчас победим!!!!!!! – подумала Ирина и вспомнила, как её сердце екнуло и вдруг застучало ровно с удвоенной силой, в ушах всё звучали слова, сказанные этим пареньком. Ирине вдруг до боли ступнях захотелось хоть раз в жизни надеть Галкины лодочки, сиреневое платье с рюшами и сходить на свидание. Хоть раз, а потом она всё ему объяснит и всё, она будет жить всегда одна. Дядя прав. Ей многое не дано, что для неё главный подарок жизни – это сама жизнь. И это нужно уметь ценить.

– Да, мы тогда победили. А как пахла сирень. Она кружила голову. Казалось, что умру, если не увижу наш парк и Виктора. Я потом поняла, что случилось. Впервые у меня появилась цель в жизни, которую так необходимо достичь. И это случилось.

Когда вернулась медсестра, то она почистила мне апельсин, разделила его на дольки и сказала:

– На, поешь... Смотри какой вкусный. А твой то – шустрый малый, но худенький, его кормить и кормить надо, а ты тут лежишь? Давай поправляйся скорей... И пойдешь...

– Как мне тогда польстили искренние слова медсестры – мысленно улыбнулась сама себе Ирина:

– У меня никогда не было парня, да и друзей тоже. Мне очень захотелось придти в общежитие с ним под ручку и показать всем, что у меня тоже есть парень. Для меня это стало самой важной и главной целью на тот момент, скорее всего мне, так это казалось. Что такое для меня – девочки из непростой семьи, был Виктор? Всё. После того, что я услышала, жить не хотелось. Сердце отказывалось работать. Никакие силы и лекарства не могли его заставить работать. Я тогда не думала, что мне придется еще пройти, но я уже знала куда идти, и это было немаловажно. Это потом будут и выставки, и ученики и стажировки за границей. А также моя работа и рождение детей, через что и какие преграды мне пришлось пройти. Но у меня была цель и желание её достигнуть.

И друг, как из того далёкого сна прилетело видение, удивительное видение, чистое, восторженное, как всё в юности, то ведение, которое называется счастьем, что ты в этой жизни не одна и тебя любят.

Виктор каждый день прибегал в больницу. Он всегда что-то выдумывал и приносил, чтобы развеселить меня и поддержать в такой трудной моей борьбе за жизнь. Он каждый день приносил мне что-то вкусненькое и обязательно или веточку сирени или другие цветы, а однажды разукрасил своё лицо котом и мурлыкал под окнами. А потом передал лоскутного кота собственного изготовления с записочкой. Ирина всю жизнь помнит её текст.

«Милая, Иринушка, жизнь прекрасна, но без тебя серая, а с тобой радужная, яркая и цветная. Прошу тебя разукрась мою жизнь в яркие оттенки счастья. Улыбнись мне в окошечко и тихонечко кивни в ответ. Я подарю тебе себя и свое сердце, оно сильное и нам его хватит на двоих. Надеюсь твой, Виктор».

Ирина долго не отвечала Виктору, помня слова дяди, но Виктор её взял измором, и она ответила согласием. Её сердце уже стучало в ритме вальса – на раз, два, три... И вот наступил день выписки. Какой это был праздник.

После обхода доктор объявил, что он готов отпустить Ирину домой, но куда она пойдет он не знает, потому, что нужен был хороший уход, что бы восстановилась сердечная мышца, а какой покой в старом общежитии, но что делать, время пришло и пора возвращаться в жизнь.

Это Ирину обрадовало и взволновало. Наконец она исполнит свою заветную мечту – пойдет на свидание с Виктором, а там будь что будет. Она собрала все нехитрые свои пожитки подарочки Виктора. Затем попрощалась с доктором и медперсоналом и вышла из больницы.

Какое это было для неё счастье. У неё никогда не было такого в жизни. У больничного выхода собралась небольшая толпа из близких ей людей. Впереди всех стоял Виктор с плакатом, который гласил – «Добро пожаловать в новую жизнь!!!». Он отдал плакат Галке и преподнёс её большой букет цветов, нежно обнял и поцеловал в щёку.

– Ну, вот я и дождался тебя, теперь я тебя никуда не отпущу – тихо прошептал он ей на ушко.

Потом к ней подбежали Галка и друг Виктора. Они радовались, как маленькие дети радуются любимой игрушке. Забрали у неё все вещи и тихонько обнимали, как бы проверяя точно ли это она. Ирина была счастлива. Она обернулась и увидела, как поодаль стоял её дядя и вытирал слёзы, скомканным носовым платком. Он подошел к ней и погладил её по плечу и по спине.

– Ну, вот ты вернулась. Береги себя. Помни, о чем я тебе говорил. А домой больше не езд. Если что случится, помни, я всегда смогу помочь, если . . . Ну, в общем, ты сама знаешь.

– Ну, вот и я дождалась. Ну, дайка мне посмотреть на тебя. Ну и напугала ты нас красавица. Долго я не могла забыть тот день. Ничего пойдем домой. Твой кавалер ремонт в комнате сделал. Он не велел говорить, но я им намучилась. . . Столько грязи вымела, зато сейчас красота, лето одним словом. Пошли домой чай пить, а тебе компот сварила. Пошли. . . – скороговоркой, частила тетя Веся, подталкивая Ирину к выходу.

Когда все пришли в общежитие и вошли в комнату, комнату было не узнать. Это было чудо, иначе это никак назвать нельзя было. По потолку плыли облака. На стенах росли заросли белой сирени. И солнце светило сквозь листву, окрашивая стены в золотые теплые тона, пол был желтого теплого песочного цвета. В её углу стояла новая удобная кровать, а посередине комнаты стоял накрытый для чая стол. Увидев эту красоту, Ирина встала у порога. Чувства захлестнули её, и слёзы ручьем хлынули по щекам. Это были слёзы радости и счастья. Впервые она плакала от счастья. Это легкие слёзы, которые смывают все плохое и горькое.

Виктор осторожно подошел к ней. Обнял её и тихо и серьезно сказал:

– Я никогда не позволю тебе плакать.

А потом пили чай и смеялись.

Почему – то это сейчас Ирине вспомнилось. Хотя потом было много всего. Как Виктор её отвез к своим родителям, и они всю жизнь, пока не ушли в мир иной, любили её за её спокойный нрав и называли доченькой. Они не давали ей ничего делать и помогали во всем. Как трудно решились они родить сначала первого, а потом второго сына. Как она подолгу лежала в различных больницах. И что бы то ни было, Виктор всегда был рядом. А сейчас настал её черед быть рядом с ним, и она будет. Она будет бороться до победы, ведь Виктор – значит – Победитель.

Один час на любовь

**МОЯ ОГРОМНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ, ЗА ОТКРОВЕННОСТЬ И ЩЕДРОСТЬ ДУШИ
МИШИНУ Ф. А. И УДИВИТЕЛЬНУЮ ИСТОРИЮ О СЧАСТЬЕ.**

Часть 1

– Сашенька, Сашенька.... Лучше бы я тебя Любашей назвала – сетовала мать, выговаривая дочери за очередные испорченные в мазуте платья, а дочка только молча, улыбалась, обескураживающей улыбкой отца, и отшучивалась:

– Да, что ты мама, мне и так хорошо.

– Да чего же хорошего. Вон, девчонки, какие красивы платья шьют да наряжаются, на танцы ходят, а ты? Что ты там, у отца в гараже забыла? А этот, старый бес, тебя приветствует.... Не дело это. Твои сестры уже все замуж выскочили и поразъехались, живут, деток воспитывают, а ты, как парень, опомнись доченька, прошу тебя. Не слушай ты Федора, так видно и распорядилась судьба, не дано нам сына родить, а ты себе судьбу не порти – говорила мать своей младшей дочери Александре.

Родилась Саша поздним ребенком, когда матери уже было сорок пять лет. В семье она случилась седьмым ребенком. Как ни старались обмануть судьбу, но у отца и матери Сашеньки, ничего не получилось.

Всю жизнь Федор и Надежда мечтали о сынишке и решили, что пойдут на многое, чтобы это случилось, но, увы, сына не получалось. Родилось шесть прекрасных дочерей, и в 45 лет Надежда, вдруг, опять забеременела, и на приеме у врача, узи показало, что будет мальчик. Федор был, несказанно счастлив, но был сдержан, ждал, когда все, наконец, разрешится, и ему вручат заветный голубенький конвертик с младенцем. Он решил его назвать Александром 1. Придумывал для него всевозможные забавы и истории. Мечтал, как они вместе будут работать в гараже и ходить на рыбалку, но где – то в глубине его большой доброй души, потихоньку, зрело малюсенькое сомнение, и чем ближе к моменту рождения младенца, тем больше оно становилось. Его даже не успокаивало то, что Надежда и ее мать приготовили все голубое приданное на мальчика. И вот ночью его разбудила жена и сообщила, что нужно вызвать скорую, что им пора в роддом. Федор волновался, как новобранец. Ничего не мог сообразить, куда бежать, что доставать, а что прятать.... Прибежала теща и отправила Надежду на скорой в больницу, а ему скомандовала:

– Сиди дома, если чё, понадобится. Чай не молоденький, так трястись. Сказали, значит, так и будет.

Как и что делал Федор, пока ждал вестей от тещи, он не помнит, но, предчувствие его не обмануло. Оно вползло в дом вместе с тещей и село в углу на обувную скамеечку, вздохнуло и тихо сказало:

– Девочка, 4900, 56см ростом, хорошенькая, голубоглазенькая, литая ты...

И заплакало, от огорчения.

Федор, как стоял, так и сел мимо стула. Судьба опять обошла его на повороте.

– Ну, что теперь, мать, наше дите, растить будем. Семь дочерей это тоже хорошо, а Сашка, все равно будет. Я ее Александрой назову, в честь нашей последней императрицы, хотя, и судьба у неё не очень удачная, но все же императрицей была. Теперь у меня полный комплект всех царевен и цариц российских – Екатерина, Елизавета, Анна, Мария, Софья, Луиза и последняя – Александра. Да, будет так! – гордо сказал Федор и вытер скупую мужскую слезу.

Часть 2

Федор Иванович и Надежда Васильевна, со своей семьей, всю жизнь жили в маленьком поселке при дороге Ульяновск – Самара, под названием Лесное. Почему такое название получил этот поселочек, уже никто не знает, да и не зачем знать, и так все понятно. Сам поселок располагался на одной из сторон большого оврага, по сторонам которого, раскинулась дубовая роща, именуемая в этой части лесостепного района Заволжья – лесом. Расположение поселка выбрано не случайно, оно было очень удобное для привала обозов и путников. В овраге пробегал ручей, с чистой холодной водой. Раскидистые дубы давали густую тень. Поселок, здесь появился еще до революции. Дорога существовала, но была вся разбитая и местами почти непроезжая из – за того, что вся Заволжская лесостепь была изрыта глубокими оврагами. Вот и поселок Лесное примостился у одного из них.

В семидесятых годах прошлого века, было решено построить дорогу – Ульяновск – Куйбышев (ныне Самара). Организовали новую организацию, под названием Дорстрой. Разделили весь маршрут дороги на участки, оснастили всем необходимым и начали тянуть дорогу, выравнивая и спрямляя ее для удобства автолюбителей и грузоперевозчиков. Один из таких участков дороги был организован в поселке Лесное. Начальником этого участка дороги был назначен Федор Иванович, тогда еще молодой специалист, недавно закончивший Ульяновский строительный техникум.

Федор Иванович, а попросту Федька, был огромного роста, голубоглазым, кудрявым и русым красавцем – сибиряком. Характер у него был крутым, но не злобным и на участке его все уважали и побаивались. Ему нравилось работать. Все у него получалось, и всего он добивался легко.

На складе, у него работала кладовщиком – Наденька. Она была совсем молоденькой выпускницей десятилетки, расположенной здесь, в этом же поселке Лесное и была единственной и любимой дочкой Василия Даниловича и Веры Лифантовны Вороновых. Василий Данилович, фронтвик и бригадир местного отделения совхоза, не отпустил единственную и любимую дочку учиться в город, потому, что считал, что бабе не чего там делать.

– Десять классов хватит, чтобы научиться щи и кашу варить, да детей нянчить и за мужем смотреть – любил говорить он, отбиваясь от дочери и жены, отвечая на их просьбы отпустить Наденьку в город поступить учиться в пединститут.

Он договорился, и его Наденьку взяли на работу на доручасток кладовщиком, и, еще с тем прицелом, чтобы найти ей дельного мужа, который бы согласился с его требованиями к будущему зятю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.